

ПРИ РѢКѢ ХОВАРЬ.

(Речь на актѣ въ 10-лѣтіе Парижскаго Богословскаго Института)

Начну съ личныхъ воспоминаній. Послѣ занятія Крыма большевиками въ 1920 году, я не присоединился къ общей эвакуаціи, и остался въ родной землѣ. Передо мной прошли ужасы краснаго террора, страшный голодь и первая волна гоненія на Церковь, — въ связи съ изъятіемъ церковныхъ цѣнностей и начавшимся живоцерковствомъ. Въ 1922 году я жилъ на приходѣ въ Ялтѣ, въ совершенномъ богословскомъ одиночествѣ. Тамъ я и мнилъ, отдавши на пастырскую работу оставшіяся силы, закончить дни. Свои досуги я посвящалъ изслѣдованію о filioque, и за-томомъ патрологіи Миня за-стали меня пришедшіе ко мнѣ для обыска и ареста. Въ тюрьмѣ мнѣ было объявлено, что я подлежу пожизненной высылкѣ за-границу, въ числѣ другихъ профессоровъ. Это совпало съ временемъ активнаго натиска живоцерковниковъ, въ Симферополѣ начался большой процессъ религіозниковъ, и, конечно, и моя судьба рѣшилась бы въ эти дни. Но рука Промысла неожиданно подняла меня, и я очутился въ началѣ 1923 года въ Царьградѣ. Оттуда я былъ вызванъ друзьями въ русскій факультетъ въ Прагѣ, но еще въ Константинополѣ я имѣлъ вѣсть отъ А. В. К.-ва, что за-границей бродитъ мысль о созданіи высшей богословской школы. Эта мысль уже была мнѣ близка и ранѣе. Еще въ Россіи, когда дни старой школы были явнымъ образомъ сочтены, вмѣстѣ съ своимъ другомъ о. П. Фл. я прилагалъ величайшія усилія къ созданію с в о б о д н о й и въ то же время церковной, современной и вѣрной преданію, богословской школы. Тогда эта мечта, конечно, разсѣялась, какъ облако, передъ лицомъ большевистской революціи. Теперь она какъ будто снова сулила осуществиться, хотя и въ измѣненномъ видѣ, съ присоединеніемъ практической задачи приготовленія пастырства, причемъ, однако, богослов-

ская задача оставалась первенствующей. И вотъ черезъ два года совершилось это чудо преп. Сергія, — возникла богословская школа въ Парижѣ, въ центрѣ міра, среди инославія, и не только возникла, но и просуществовала, и проработала втеченіе 10 лѣтъ. Это десятилѣтіе во всякомъ случаѣ есть уже совершившійся фактъ въ исторіи русскаго православія. Даже если бы наше дѣло прекратилось, оно останетъ пребы- вающимъ въ скрижаляхъ исторіи. Въ нашей школѣ все явилось импровизированнымъ: прежде всего матеріальныя средства существованія, не имѣющія для себя никакого государственнаго или даже общественнаго обезпеченія. Но также импровизированнымъ явился и ея научный персоналъ: вмѣстѣ съ представителями старшаго поколѣнія, которымъ Провидѣніемъ дано было, вмѣсто лютой смерти еще 10-лѣтіе богословскаго труда, сюда стеклись представители новаго поколѣнія, непатентованные богословы, какъ бы офицеры военнаго времени, которые принесли съ собой свой энтузіазмъ любви и вѣрность Церкви. Образовалась своеобразная группа богослововъ, при всей разности индивидуальных образовъ, отмѣченная единствомъ судьбы и призванія: служить Церкви богословскою мыслью, научнымъ трудомъ, — такова наша русская Ораторія. Docendo discimus, новое русское богословіе рождается изъ нужды и въ связи съ преподаваніемъ. Изъ его трудовъ и дней выросла цѣлая богословская литература, создалась особая школа — Парижскаго богословія, которая, несмотря на сложную и даже диссонансную гармонию, имѣетъ нѣкоторое общее лицо и составляетъ единое цѣлое. Оно, это богословіе, не было и не хотѣло быть непомнящимъ родства и небрежущимъ преданіе, но оно было вырвано изъ своей колеи и оторвано отъ родной почвы. Оно возрастало на духовной чужбинѣ, какъ вожди Израиля въ Вавилонскомъ изгнаніи. Ибо они не только плакали на рѣкахъ Вавилонскихъ, но и имѣли великія пророческія видѣнія, какъ Іезекіиль при рѣкѣ Ховарѣ и Даніиль при дворѣ царей. Соприкасаясь съ высокой мудростью Востока, они сохраняли и полнѣе, и глубже постигали тайну собственнаго избранничества. Народъ Божій, который былъ выброшенъ изъ земли обѣтованной въ царство Вавилонское, унесъ съ собою сокровище вѣры, не погибъ, но духовно возродился. Его національное самосознаніе расширилось до вселенскаго. Его исторія изъ провинціальной стала всемірной. Возвратившіеся изъ изгнанія оказались способны къ возстановленію храма и ограды закона. Вавилонское плѣненіе явилось творческой эпохой въ исторіи Израиля, и безъ него мы не имѣли бы Вѣтхаго Завѣта въ его полнотѣ. Конечно, никакой народъ не мо-

жетъ сравниться въ судьбахъ своихъ съ народомъ избраннымъ, однако мы можемъ находить въ нихъ подобіе и нашимъ собственнымъ. Подобное испытываемъ и мы, хранители завѣтовъ Православія, на этомъ маломъ островѣ въ океанѣ Вавилонскомъ. Мы стоимъ передъ лицомъ инославнаго и языческаго міра, и притомъ во время величайшихъ міровыхъ катастрофъ, которыя измѣнили не только нашу большую родину, но и измѣняютъ ликъ всего міра. Все христіанство стоитъ передъ великими и новыми задачами въ своемъ призваніи пасти народы, для чего оно доселе еще оказывается несостоятельнымъ. Все христіанство по новому сознаетъ необходимость общецерковнаго единенія и его ищетъ на путяхъ экуменизма, которые и намъ не невѣдомы. Духовный провинціализмъ, хотя и сохраняется въ тихихъ затонахъ до первой бури, но уже потерялъ право на существованіе; онъ остается лишь въ качествѣ неподвижнаго старообрядчества, подкрѣпляемаго лѣнностью мысли. Передъ тѣми проблемами богословской мысли и жизненнаго самоопредѣленія, передъ которыми стали мы здѣсь съ самаго начала, не стояли наши предки, они ввѣрены Провидѣніемъ н а м ъ, какъ наше дѣло, какъ наши задачи. Наше дѣло въ Парижѣ не есть только мѣстно-провинціальное, оно и міровое; и не потому, что мы живемъ въ міровомъ городѣ (можно и живя въ немъ оставаться въ глухой провинціи, что мы непрестанно и наблюдаемъ), но потому, что мы живемъ съ міромъ, вошли въ его творческій трепетъ. Вѣчность церковная вообще совершаетъ свое бытіе во времени, и каждая историческая эпоха имѣетъ свой собственный ликъ, усваиваетъ особую тональность, опредѣляется характерной для нея проблематикой. И Парижское богословіе хочетъ быть и является с о в р е м е н н ы м ъ въ отношеніи къ своей современности, подобно тому какъ были современниками своей, современности а потому и вождями своей эпохи тѣ, кого Церковь ублажаетъ какъ вселенскихъ учителей. Печать эпохи явственно лежитъ на нашемъ богословскомъ творчествѣ и, поскольку н о в о е и есть синонимъ творчества; это есть нашъ м о д е р н и з м ъ, въ которомъ насъ укоряютъ люди, тщаясь безсильно остановить солнце и упразднить исторію. Но этотъ модернизмъ есть и хочетъ быть ж и в ы м ъ п р е д а н і е м ъ, которому мы посильно служимъ въ вѣрности Церкви. Чудо творчества не совершается безъ творческаго дерзновенія, и его вдохновеніе ищетъ для себя своихъ собственныхъ путей, ибо поистинѣ, въ дому Отца суть обитатели многи. Но есть одно условіе, при которомъ лишь возможно богословское творчество, это — с в о б о д а и с к а н і я, безъ которой утрачивается искренность и воодушевленіе. При всѣхъ своихъ достоин-

ствахъ и достиженіяхъ, прежняя духовная школа не имѣла этого блага въ такой мѣрѣ какъ мы, которые почтены этимъ даромъ отъ нашего іерархическаго главы. Да, мы были свободны въ своемъ богословствованіи, намъ было оказано довѣріе, и, смѣю сказать, мы его оправдывали и оправдываемъ. Ибо наша свобода есть церковная свобода, вѣрныхъ и любящихъ сыновъ Церкви, а не взбунтовавшихъ рабовъ. Мы хотимъ свободной преданности Церкви, — вѣрности ея преданію, но вѣрности творческой. Вѣроятно, скажутъ, что даръ духовной свободы есть не только драгоценный, но и опасный даръ. Можетъ быть, это и такъ, но позволительно ли прежде всего искать безопасности? Все творческое содержитъ въ себѣ элементъ риска и неувѣренности. Не опаснымъ ли является передъ судомъ здраваго смысла и само Христіанство, и намъ ли въ наши дни всеобщаго смятенія апеллировать къ безопасности? Апостолъ шелъ по водамъ за Христомъ, пребывая въ безопасности, но сталъ тонуть, какъ только испугался этого своего пути. И существуетъ ли путь, обезпеченный въ его безопасности, среди этого мірового урагана, въ этой океанской бурѣ? Только любовь къ Христу и Церкви Его можетъ дать намъ эту спасительную увѣренность.

Есть одна черта, которую можетъ засвидѣтельствовать о себѣ Парижское богословіе въ оправданіе своей свободы и самаго даже существованія: оно рождается изъ молитвы; больше того — изъ вдохновеній Божественной Евхаристіи, у алтаря. Не внѣшне только, но и внутренне наша школа соединена съ храмомъ, а наши убогія рабочія храмы находятся непосредственно подъ храмомъ. Это знаменуетъ естественную іерархію цѣнностей и въ нашихъ сердцахъ. *Lex orandi est lex credendi* — говоритъ богословская формула. И безъ ложной гордости, но и безъ лицемѣрной скромности можемъ мы сказать, что богословскій трудъ истекшаго десятилѣтія представляетъ особую страницу русскаго православнаго богословія, открываетъ какъ бы новую ея главу. Онъ уже неотъемлемо принадлежитъ исторіи, сколь бы ни малы были наши силы, сколь бы ни тяжелы были условія нашего труда. Богословскіе труды дѣятелей нашей школы, настоящихъ и бывшихъ, даже и количественно не уступаютъ, а, можетъ быть, относительно превышаютъ труды нашихъ западныхъ собратьевъ за истекшее десятилѣтіе. Есть особый коллективный, написанный и не написанный, опубликованный и неопубликованный трудъ, — Парижское Богословіе. Его мы со всей почитательностью приносимъ Церкви и со всей вѣрностью посвящаемъ нашей родинѣ.

Мы именуемъ своимъ духовнымъ вождемъ и покровите-

лемъ преп. Сергія, и его образъ да будетъ на нашемъ трудѣ означенъ, — образъ смиренія, соединеннаго съ вдохновеніемъ и дѣятельной любовью. Его творческій подвигъ на зарѣ 14-го вѣка — въ другомъ мѣстѣ и въ иныхъ условіяхъ — хотимъ продолжать мы въ наши дни, — церковный, національный, общечеловѣческій. Его молитва и богомысліе, служеніе братіи и всѣмъ страждущимъ, его болѣніе о душѣ народа и о судьбахъ родины и міра да будутъ для насъ руководящимъ образомъ! Преп. Сергій во свидѣтельство своихъ вдохновеній создалъ храмъ пресв. Троицы, Бога-Любви. Этотъ храмъ есть соборъ всего христіанскаго міра, образъ Церкви Вселенской. И да совершается трудъ нашъ подъ духовнымъ куполомъ этого храма!

Прот. Сергій Булгаковъ